

МНОГОГО СОКРУШЕНИЯ ИСПОЛНЕННОЕ ЖИТИЕ ИАКОВА МОНАХА

Анонимный автор (VI–VII вв.)

Перевод с древнегреческого выполнен по критическому изданию текста:
Trautmann R., Klostermann R. Drei griechische Texte zum Codex Suprasliensis. III. Das
Leben Jakobs des Mönches. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, Vol. 12, No. 3/4 (1935),
pp. 277–294.

В переводе Константина Чарухина

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Для чего нужен новый перевод жития св. Иакова Порфирионского, в русской традиции именуемого преподобным Иаковом Постником? Во-первых, доступные ныне русские тексты его являются в лучшем случае переводами перевода перевода и, несмотря на свои бесспорные литературные достоинства, упускают и сглаживают многие небезынтересные подробности византийского оригинала. Во-вторых, что несравненно важнее, история преступного клирика по-прежнему болезненно актуальна. В-третьих, житие послужило источником для известнейшей повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей», которая предлагает мягкий, руссоистский выход из абсолютной трагедии павшего праведника. Впрочем, стоит, наконец, внимательно выслушать и первую сторону.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Для тех, кто возлюбил Бога и помышляет жить по заповедям Спасителя, нет ничего прекраснее, чем стяжать смиренномудрие, ибо оно становится источником многих благих и душеполезных даров. Тот, кто со всем тщанием поспешил обрести его и в нем преуспел, не сможет ни падения претерпеть, ни в плену страстей оказаться, ни тем более под иго надменной самонадеянности склониться.

Ведь то, что недостаток смирения приносит великий ущерб, неисцелимый вред и величайшую опасность тем, кто не внимает себе, можно увидеть на многих примерах, один из которых явит и предстоящее повествование, которое мы предлагаем для назидания и ограждения тех, кто избрал для себя ангельский образ жизни.

Ибо здесь мы найдем и добродетельное жительство, и совершенные подвиги, и крайнее падение, случившееся по нерадению, и силу покаяния. Сила же эта столь велика перед Человеколюбцем Богом, что она не только вырывает человека из самых врат ада и мук геенны, но и делает его еще более добродетельным, чем прежде, так что по благодати Господней восстановление его оказывается величественнее первоначального состояния.

[1]

Был в ту пору один отшельник в крупном селении¹, называемом Порфирион, по имени Иаков. Отрекшись от суеты временной жизни, он поселился в одной пещере и провел в ней пятнадцать лет. Он столь преуспел в добродетели и подвижничестве, что явился драгоценным и благоугодным в очах Божиих, удостоившись даже дара изгонять бесов и силы творить многие иные исцеления во имя Спасителя нашего Христа.

Видя его строгое подвижническое жительство и дивясь ему, люди отовсюду стекались к нему; большинство же из приходящих держались нечестивого

самарянского верования. Человек Божий (ср. 2 Цар. 4:9) при встречах подолгу наставлял их словами Божественных Писаний и обращал к вере истинной.

¹ Греческий термин *κωμόπολις* (от *κώμη* — деревня и *πόλις* — город) обозначал особый тип поселения, который был широко распространен на Востоке (особенно в Палестине, Сирии и Египте) в IV–VII веках. Это были очень крупные, густонаселенные населенные пункты, которые по размерам, богатству и архитектуре (наличие бань, рынков, крупных церквей) напоминали города, но юридически оставались деревнями. У них не было собственного городского совета (буле) и официального статуса полиса. В отличие от античных полисов, которые были центрами политической жизни, комополисы оставались преимущественно аграрными центрами, однако в них процветала торговля и ремесла, что делало их важными узлами региональной экономики. Первоначально комополисы часто не имели оборонительных стен (в отличие от полноценных городов), что делало их «открытыми» поселениями. Селение Порфирион, упоминаемое в тексте, находилось на финикийском побережье (современный Ливан/Израиль) и было важным пунктом на пути между Акко и Бейрутом.

[III]

Однако диавол, исконный враг рода человеческого (ср. 1 Пет. 5:8), а особенно слуг Спасителя нашего Христа, видя, что великая добродетель этого мужа и его неуклонное жительство долгое время гонят его прочь, замыслил вытеснить Иакова из тех мест. Войдя в одного из самарян, из числа тех, кто издревле отвращался от истины, он подучил его собрать всех близких, друзей и домочадцев, чтобы устроить святому мужу засаду и, уловив его в западню, извергнуть из тех пределов.

Собрались они все на подворье у своего жреца и после многих лукавых раздумий остановились наконец на одном замысле. Призвали они некую бесстыдную бабенку, проводившую жизнь в великом бесчинии, и дали ей двадцать золотых монет, обещав вдобавок еще столько же, если ей удастся склонить к падению¹ слугу Божия Иакова. Замыслили они это для того, чтобы, улучив какой-либо повод, изгнать сего мужа из своей страны с великим позором.

Обольщенная этими обещаниями, женщина та отправилась к нему, когда уже наступили глубокие сумерки. Постучав в дверь его кельи, она принялась усердно молить, чтобы он отворил и впустил её внутрь.

Иаков же долго медлил и всё не решался впустить её, но она продолжала бесстыдно стучать и со многими мольбами упрашивала принять её. Наконец, приоткрыв дверь и увидев женщину, он решил, что это призрачное наваждение. Осенив себя крестным знамением, он захлопнул дверь и, обратившись к востоку, принялся усердно молиться Богу.

Миновало много времени, и когда ночь уже прошла половину своего пути, женщина всё не переставала стучать и громко взывать: «Помилуй меня, слуга Божий, и открой мне, дабы не стать мне добычей зверей прямо перед твоей кельей!»

Праведник же, зная, что в тех краях водится великое множество хищников, вдумчиво рассудил² и — нехотя, стоит сказать — отворил дверь. «Откуда ты пришла сюда? — спросил он. — Кого ищешь и чья ты?»

Она же ответила: «Я из такой-то обители. Игуменя послала меня отнести благословенные дары³ в это селение, но на обратном пути меня застигла тьма. Прошу тебя, человек Божий, сжался и прими меня, чтобы звери не растерзали меня».

Сжалившись над ней, святой ввел её в жилище и, предложив хлеб и воду, сам удалился во внутреннюю келью, запершись там и оставив женщину во внешней. Та же, вкусив пищи, на краткое время умолкла, но вскоре принялась громко кричать и с рыданиями биться в дверь, слезно призывая старца.

Заглянув в оконце и увидев, что она изнывает, охваченная великой болью, праведник пришел в великое смущение⁴, не зная, что сказать или как помочь ей. Она же взывала к нему: «Умоляю тебя, посмотри на меня и осени меня крестным знамением, ибо сердце мое разрывается от муки!»

Услышав это, Иаков вышел к ней и тотчас, разведя большой огонь, посадил её рядом. Положив свою левую руку в самое пламя, дабы болью угасить иное пламя, правой же рукою, помазуя её святым елеем, согревал её теплотой собственной ладони и непрестанно осенял её грудь крестным знамением.

Она же, влекомая собственным бесстыдством и желая уловить святого в сети греховного вожделения, говорила ему: «Прошу тебя, помазуй сердце мое дольше, чтобы утихла терзающая меня боль».

Святой же, по незлобию сердца своего⁵ уступая ей, продолжал делать всё необходимое для её исцеления. Но в то же время, ведая козни лукавого (ср. 2 Кор. 2:11) и опасаясь, как бы чрезмерное сострадание не навлекло на него бессмертный недуг греха⁶, он в течение двух или трех часов, не щадя себя, держал левую руку в пламени. Он терпел до тех пор, пока суставы его пальцев, обуглившись, не начали отпадать. Так он противоборствовал дьявольским ухищрениям, дабы невыносимая боль от огня не позволила ни единому дурному помыслу проникнуть в сердце.

Увидев столь необычайное зрелище и придя в себя, ибо она видела, что рука святого почти вся пожрана огнем, женщина горько разрыдалась. Со стоном припала она к ногам праведника и, ударяя себя в грудь, взывала: «Горе мне, несчастной и омраченной! Горе мне, ибо я стала пищей для огня вечного (ср. Мф. 25:41)! Горе мне, ибо я сделалась вместилищем дьявола!»

Святой же, от изумления лишившись дара речи, сказал ей лишь: «Встань, женщина» (ср. Ин. 8:10).

С большим трудом подняв её с земли и сотворив усердную молитву, святой спросил её: «Что с тобою? Поведай мне всё». Она же, едва придя в себя, во всех подробностях изложила ему суть дела, открыв коварный замысел злых самарян (или, вернее, самого дьявола!), который те взлелеяли против праведника.

Тяжко вздохнув, слуга Божий воздал многократное славословие Богу и со слезами поблагодарил Его за избавление. Он наставил женщину в спасительных истинах и, преподав ей благословенные дары в знак примирения, отослал её к святейшему епископу Александру.

Придя в храм, она исповедала всё произошедшее прежде Богу, а затем и самому преосвященному мужу. Тот же, после долгой беседы с нею, видя её искреннее и глубокое раскаяние в совершенном злодеянии, омыл её в бане бессмертия (ср. Тит. 3:5) и определил в женскую обитель.

Затем епископ, собрав весь боголюбивый народ и христоролюбивый клир, изгнал из города и изо всех тех пределов всех самарян, кои там обретались. После же он сам пришел к слуге Божию Иакову и долго укреплял его своей поддержкой, подобно истинному и любящему отцу.

Ну а та женщина, о которой говорилось прежде, с таким усердием предалась покаянным трудам Христа ради, что явилась драгоценной в очах Господних и даже удостоилась благодати изгонять бесов.

¹ σκελίσαι — досл. «подставить подножку».

² διάκρισιν (диакрисис) — ключевой аскетический термин «рассуждение» или «различение духов». Иаков пытается понять, что важнее: заповедь о странноприимстве и спасении жизни (от зверей) или монашеское правило не впускать женщин.

³ εὐλογίας (эвлогию) — буквально «благословения». В агиографии это технический термин для обозначения материальных даров (пищи, плодов, святынь), посылаемых подвижником или обителю другой общине или мирянам в знак духовного общения и благорасположения. Это «дар как благословение», подчеркивающий мистическую связь и передачу благодати между дарителем и получателем.

⁴ ἀμηχανία – состояние человека, у которого нет «механизма» (выхода) из ситуации. Это паралич воли перед лицом чужого страдания.

⁵ ἀπλότητα – «простота», «незлобие». В аскетике это чистота сердца, лишённая лукавства и «двоедушия». Именно эта святая простота мешает Иакову заподозрить подвох в просьбе блудницы.

⁶ ἀθάνατον ἀσθένειαν – буквально «бессмертная болезнь». Грех – болезнь, которая не заканчивается со смертью тела, но ведет к смерти вечной.

[III]

Спустя некоторое время дочь одного из старейшин совета, мучимая нечистым духом, стала громко кричать, призывая святого по имени. Родители привели её к слуге Божию и умоляли его сжалиться над её юностью и изгнать нечистого беса. И вот, когда святой муж помолился и возложил на неё руки, тотчас Господней благодатью изгнал беса и исцелил отроковицу.

Благодарные родители воздали хвалу Богу и послали Иакову триста золотых монет. Однако праведник не только не пожелал взять их, но даже и смотреть на них не соизволил. Он убеждал их, что не должно превращать дары Божии в предмет торговли (ср. Деян. 8:20), но лучше раздать эти деньги нищим. «Я не приму их, — говорил он, — ибо, живя в пустыне, ни в чем не нуждаюсь». С тем он и отпустил их домой, исполненных признательности.

В другой раз к нему принесли некоего юношу, у которого от коварства злого духа отнялись обе ноги. Близкие, принеся его на руках, попросили святого помолиться о нём. Иаков же, проведя три дня в строгом посте и ни на что не отвлекаясь от прилежной молитвы, вернул парализованному полное здоровье и, благословив его, велел идти домой на собственных ногах.

И многие другие приходили к нему с различными недугами, и все, обретая исцеление благодатью Господней по его молитвам, возвращались домой со славословием.

Видя же общее почтение к себе, слуга Божий убоился падения, которое часто рождается от земных почестей. Оставив те места, он пустился в бегство и удалился от того города примерно на сорок миль. Приискав большую пещеру в скалах у речного берега, он поселился в ней на тридцать лет, проводя все дни и ночи в молитвах и священных песнопениях.

Долгое время он питался лишь травами, растущими у реки. После же он с любовью¹ возделал у берега огородик и, трудясь на нем в положенные часы дня, добывал себе пропитание. И столь прославилось его житие, что из многих окрестных обитателей к нему стекались монахи, клирики и многие миряне, дабы получить благословение и укрепиться его советами.

Но сей столь великий муж, удостоившийся такой высокой милости, быть может, по некоему превозношению или надмению впал попущением Божиим в искушение, и притом падение его было жутчайшим.

¹ *φιλοκαλήσας* – от *φιλοκαλέω* (любить красоту/добро, усердно возделывать).

Очень характерное понятие, описывающее труд монаха не как тяжкую повинность, а как благоговейное и тщательное попечение о творении Божиим. Отсюда же названия знаменитого сборника аскетических трудов «Филокалия» (в русск. традиции «Добротолубие»).

[IV]

Ибо всескверный враг рода человеческого (ср. 1 Пет. 5:8), всегда неистовствующий в своей зависти против тех, кто проводит жизнь в благочестии и правде, вошел в девицу, дочь одного богатого человека. Одержимая принялась кричать, призывая святого мужа по имени, так что родители её были вынуждены обойти многие края, разыскивая человека Божия, не минуя ни единой обители, ни даже самого глухого места в пустыне.

Им долго не удавалось найти его, пока не узнали они наконец, что в тех пределах живет некий отшельник. Тогда отец девицы, взяв слуг своих и устроив дочь вместе с матерью в богатых носилках¹, прибыл к тому месту, где обитал святой. Увидев его, пал к его ногам, взывая: «Помилуй дочь мою, ибо она жестоко истязается нечистым духом! Вот уже двадцать дней, как не принимает она ни пищи, ни питья, но лишь кричит, терзая себя и призывая твое имя».

Святой же велел поставить отроковицу перед собою и, предавшись молитве, столь пламенно взывал к Богу, что само место, где они стояли, содрогалось (ср. Деян. 4:31). Окончив молитву, он дунул на нечистого духа и возгласил: «Во имя Господа Иисуса Христа, изыди из неё!» (ср. Деян. 16:18). И тотчас бес, словно гонимый огнем, покинул девицу.

А она, упав на землю, в течение многих часов лежала безгласно. Святой же, помолвившись и взяв девицу за руку (ср. Мк. 5:41), поднял её и передал родителям. Видя такое чудо, они прославили Бога (ср. Мф. 9:8), но, убоившись, как бы нечистый дух не вернулся в неё снова (ср. Мф. 12:44), упросили Иакова оставить отроковицу у себя на два дня, пока она совершенно не исцелится. И вот, оставив её при нём, вернулись в свой дом.

Подобает же нам (как и в предисловии было сказано), ради ограждения и назидания тех, кто избрал сие ангельское жительство, повествовать не только о безупречных подвигах² совершенных мужей. Негоже думать, будто слуги Божии не знают³ искушений и коварных сетей всескверного врага. А потому, как перечислили мы великие и истинные добродетели этого мужа, так должно поведать и о постигшей его буре⁴, и о величайшем падении, за тем последовавшем. А после расскажем и о тех преславных чудесах, что совершились по его совершенном покаянии и мужественной исповеди. Ибо насколько великими были прежде его подвижнические труды и жительство, настолько же глубоким стало его падение; но сколь тяжким был этот крах, столь же славным явилось впоследствии восстановление.

¹ βαστερνίω — «в бастерне». Тип богатых носилок, которые несли два мула (спереди и сзади). Деталь, указывающая на роскошь и высокий статус семьи.

² каторθώματα – «подвиги», «успешные дела». Буквально — то, что сделано правильно и прямо.

³ ἀγυμνάστους – «нетренированные», «неупражненные». Отсюда «гимнастика». Автор говорит, что нельзя думать, будто слуги Божии не проходят «тренировку»

искушениями.

⁴ *χεῖμων* – буквально «зима» или «непогода», «буря». В аскетическом контексте это внезапное и мощное искушение, нарушающее душевный покой.

[V]

Всезлобный и нечестивый враг слуг Божиих, увидев, что исцеленная девица оставлена наедине с отшельником, ухватился за это как за зацепку и напустил на него духа блудного.

И бес напал на него с такой яростью, что сей муж, некогда столь мужественно сражавшийся, что предпочел лишиться пальцев руки, лишь бы сокрушить дьявольскую западню, ныне был пронзен жалом безумной похоти. Забыв о страхе Божиим, о великом даре исцелений, о долгих годах подвижничества и о самой своей старости, он потерпел позорное поражение. Выйдя во дворик, он пал с девицей, осквернив себя нечистой грязью греха.

Когда же власть над душой его была дана бесу, тот стал понуждать его ко второму злу, еще более страшному. Ибо губительный змий, страшась того исправления, которое подается через искреннее покаяние, подстроил всё так, чтобы пленник его прибавил к содеянному преступление еще более тяжкое.

Ибо враг, посеяв в нем помыслы малодушного страха, внушил ему убить девицу, которую прежде растлил. Иаков же, вновь оказавшись побежденным, совершил это убийство, надеясь тем самым избежать стыда при встрече¹ с родителями её. Но не насытил этим свою ненависть виновник всякого зла² диавол: к греху растления он прибавил убийство, а к убийству — поругание плоти, подстроив так, чтобы тело убиенной не было предано погребению, но было безжалостно брошено в речные воды и отдано на растерзание зверям и птицам.

Таков был горький плод надмения и высокого мнения о себе. Ибо если бы старец прежде не поработил себя этой страсти, лукавый никогда не получил бы над ним такой силы. Тот, кто в юности выходил победителем, в старости подвергся позору, ибо возгордился в сердце своем.

Однако же безмерное человеколюбие щедрого Христа, Который желает спасения всякому человеку более, чем его погибели (ср. 1 Тим. 2:4; Иез. 18:23), простерло руку Свою к падшему и поверженному на землю (ср. Пс. 144:14). Лекарством покаяния у врачевал Господь зловонные и неизлечимые раны Своего создания. Ибо Иаков, совершив столь тяжкие злодеяния, каждое из которых обрекало его стать пищею геенны, последовал примеру блаженного Давида, который, свершив прелюбодеяние, прибавил к оному и убийство мужа, претерпевшего от него обиду (ср. 2 Цар. 11:15). Видя, что Господь по единому слову дарует прощение, Иаков поспешил к пристани покаяния, избрав себе единственным кормчим надежду на исправление³.

¹ *παράστασις* – буквально «стояние перед кем-то», «очная встреча». Иаков боится именно момента, когда родители придут за дочерью и ему придется смотреть им

в глаза.

² ἀρχέκακος – «началозлобный», «первенствующий во зле». Эпитет дьявола как первоисточника всякого греха.

³ ἐπανόρθωσις – «исправление», «восстановление». Слово, обозначающее возвращение в прежнее вертикальное состояние (из «лежащего на земле» — χαμαὶ κεκείμενος).

[VI]

Придя же в себя, он вошел в свою келью и, словно воспрянув от тяжелого сна, повергся на землю. В невыносимом сокрушении рыдал он, нещадно ударяя себя в грудь и проливая потоки слез (ср. Пс. 118:136). Но и тогда не отступил от него всескверный диавол: не в силах видеть доброе намерение мужа, он принялся подсеивать ему помыслы отчаяния. То был злейший помысл, почерпнутый врагом из погибельного примера Иуды (ср. Мф. 27:5).

Встав с земли, Иаков в смятении устремился прочь, в мир¹. Однако по воле человеколюбивого Христа путь его пролегал мимо одной обители. Когда он вошел туда, тамошние монахи приветствовали его, умыли ему ноги и, предложив хлеб, просили отведать. Но он едва мог слышать их слова; горько вздохнув, он воскликнул:

«Горе мне, несчастному! Как воззрю я на небо (ср. Лк. 18:13)? Как дерзну призвать имя Господа Христа, Которого я отверг и оставил? Как осмелюсь принять Его дары я, осквернивший душу и тело распутством блуда?»

И, начав свой скорбный рассказ, он без утайки исповедал братьям всё, что с ним произошло.

Братья же преисполнились великой скорби и, сострадая постигшим его напастям, в меру сил утешали его. Вручив ему благословенные дары и сотворив о нем прилежную молитву, они отпустили его с миром.

¹ Собственно, на этом заканчивает свой духовный путь толстовский отец Сергей. «В Сибири он поселился на заимке у богатого мужика и теперь живет там. Он работает у хозяина в огороде, и учит детей, и ходит за больными». Никаких аскетических подвигов; простая скромная жизнь.

[VII]

Когда же он продолжал свой путь, встретился ему некий брат, воистину имеющий в себе Христа (ср. Гал. 2:20). Тот, поприветствовав Иакова, настойчиво упросил его войти в келью. Омыв старцу ноги и явив всяческое попечение, он предложил гостю хлеб и усердно молил его отведать от тех даров, что послал Господь.

Иаков же, терзаемый совестью, решительно отказался¹, не желая вкушать пищи.

Тогда сей слуга Божий сам пал к его ногам, клятвенно заверяя, что не встанет с земли, доколе старец не согласится разделить с ним трапезу. Уступив его мольбам, Иаков наконец согласился. Окончив трапезу и воздав благодарение Богу, они сели друг против друга. И тогда брат, принявший его, обратился к нему: «Отче, наставь меня, сына твоего во Христе, и укрепи мое сердце, ибо сильно смущают меня многообразные помыслы».

Тогда святой, громко возопив, со слезами и стонами возрыдал и стал ударять себя в грудь, говоря: «Позволь мне, брат мой, сокрушаться и оплакивать страшные грехи мои и то бесстыдное нечестие, которое я дерзнул совершить. Ибо в сей суетной моей и опозоренной старости я, подобно малому ребенку, был подло низвергнут диаволом и погрузился в бездну совершенной погибели. Те беды, что в юности я побеждал терпением, ныне в старости моей одолели меня; поступив постыдно, я сам вверг себя в зловонную тину блуда и в иные преступления, что еще тяжелее этого».

Брат же, услышав это, сильно опечалился и стал просить его подробно поведать о том, как произошло сие обольщение. Поступал же он так с двойной целью: во-первых, надеясь через исповедь привести старца к покаянию, а во-вторых, желая и самому научиться защищаться на примере чужого падения.

И начал Иаков рассказ свой, говоря: «После того как совершил я путь строгого и многотрудного подвига, после того как пятьдесят лет беспорочно служил Богу и сподобился великой милости от Человеколюбца Господа, так что через меня, скверного, совершались многие чудеса, наконец сатана вошел в одну девицу. Будучи совершенно помрачен умом, пошел я к ней; забыв обо всем на свете и ни во что не вменив саму геенну, я потерпел погибельное падение, впав в грех блудный».

«И вот, пав с нею, я злом пытался уврачевать зло, но лишь ко злу приложил горшее. Ибо бес ложного стыда, завладев мною, внушил мне убить её. Совершив же это растление и убийство, я бросил тело её в реку и, отчаявшись в своем спасении, ушел прочь; ныне же я бегу в мир. Ибо как воззрю я в небесную высь? Если же дерзну я призвать имя Христово, не пожрет ли меня тотчас сошедший с небес огонь?»

Когда он со многими слезами и невыносимыми стонами поведал об этом, слуга Божий, чье сердце пронзило сострадание, пал ему на грудь и, лобызая его, молвил: «Не унывай так сильно, брат мой, и не отчаивайся в своем спасении. Но веруя, что есть еще покаяние, приди со слезами и исповедуйся Человеколюбцу Богу; ибо многомилостив Господь и велика Его вечная милость к нам. Пока имеем время, покаемся!»

Если бы не было покаяния, то как Давид, павший в бездну прелюбодеяния и убийства, одним лишь словом явив раскаяние, сподобился прощения величайших грехов (ср. 2 Цар. 12:13)? Если бы не было покаяния, то как блаженный Петр, вождь апостолов и первый из учеников, трижды отрекшийся от Владыки Христа, а после горько плакавший, не только получил прощение за столь страшное преступление, но и удостоился еще большей чести, став пастырем словесных овец Господних (ср. Ин. 21:15-17)? Если бы не было покаяния, как позволил бы Апостол

вновь принять в общину совершившего блуд коринфянина, молвив: «чтобы не сделал нам ущерба сатана» (2 Кор. 2:11)?»

Этими и подобными словами сей истинный и сострадательный брат укреплял его сердце, умоляя остаться у него. Когда же Иаков не захотел подчиниться, раб Божий припал к стопам его и, целуя их, заклинал не уходить, боясь, как бы тот, пребывая в отчаянии, окончательно не погубил свою душу. Но поскольку, несмотря на долгие увещания и коленопреклонные мольбы, он так и не смог его убедить, то с тяжелым сердцем и глубоким вздохом, сотворив прилежно молитву, отпустил его, дав на дорогу благословенные дары.

И сопутствовал брат сей ему на протяжении пятнадцати миль, не переставая умолять его и ведя долгую беседу о покаянии. Наконец, со слезами обняв и облобызав Иакова и вознеся о нем прилежную молитву, он вернулся в свою келью.

¹ ἀνανεύοντος от слова ἀνανεύω – «отказываться», буквально «закидывать голову назад». Греческий жест решительного отказа (противоположный кивку согласия и аналогичный нашему покачиванию головой из стороны в сторону).

[VIII]

Иаков же продолжал свой путь, ведущий в мир¹. Пройдя некоторую часть дороги, он немного свернул в сторону и нашел древнюю гробницу, подобную пещере. В ней лежало множество человеческих костей, которые от долгого времени почти совершенно истлели и превратились в прах. Войдя внутрь, он собрал эти кости в одном углу, а сам, затворив ветхую дверь гробницы и преклонив колени, стал исповедоваться Богу. Нещадно ударяя себя в грудь, с великим плачем и рыданием он взывал:

«Как воззрю я на Тебя, Боже? С чего начну я свою исповедь? Как позволят мне сердце моё и совесть пошевелить нечестивым языком и устами, полными скверны (ср. Ис. 6:5)? О прощении какого греха прежде всего дерзнуть мне просить? Пощади, Человеколюбец Господи, будь милостив ко мне, недостойному, Владыка Благий, и не погуби меня вместе с моими постыдными делами! Ибо не малы мои беззакония: я совершил блуд и сотворил убийство, пролив кровь невинную, а в довершение всего — отдал злосчастное тело на пожрание зверям, птицам и водам речным. И ныне Тебе, Всеведущему, я всё исповедую, Благий, моля Тебя о прощении. Не презри меня, Владыка, но по Твоему безмерному милосердию помилуй меня, нечестивого и недостойного; ниспошли мне Твою милость щедрую и прости всякое беззаконие моё. Да не потопит меня окончательно яростная буря врага-губителя в самой пучине греха, и да не поглотит меня змий преисподней!»

В таком усердном покаянии и непрестанном исповедании и пребывал он в этой пещере — вернее сказать, в этой могиле — в течение десяти лет, ни разу не покинув своего затвора.

В течение всех этих лет он не виделся ни с кем и ни с кем не вступал в беседу.

Проводя всё время в горьких слезах, стенаниях и невыносимом плаче, он пребывал в глубочайшем сокрушении сердца. Лишь по понедельникам он приоткрывал дверь и собирал траву, что росла у самого входа в его гробницу²; вкушал он её ровно столько, сколько почитал достаточным для поддержания жизни, и вновь возвращался к подвигу с великим благодарением, постоянно усердствуя в молитве, бдении и неустанном исповедании.

¹ У современного читателя возникает естественный вопрос, почему Иаков не отдался в руки правосудия и не принял заслуженную кару. Отчасти его поведение обусловлено тем, что в Византии существовала практика, согласно которой монахи, совершившие тяжкие преступления, часто подлежали церковному суду и пожизненному покаянию (эпитимии) внутри монастырских стен или в затворе. Таким образом, суд не мог бы наказать монаха сильнее, чем он сам. Притом даже если бы его делом по какой-либо причине занялся светский суд, смертная казнь могла восприниматься монахом как незаслуженное облегчение.

² Как мы видели выше, в свое прежнем убежище св. Иаков тоже поначалу питался травой (но специально ходил собирать её к реке), а позднее даже рачительно возделывал огородик. На этот раз он решительно отверг всякое попечение о земном, возможно, сочтя, что послабление, оказанное себе прежде, тоже сыграло свою роль в его падении.

[IX]

Посему Человеколюбец Бог, не желающий смерти грешника, но ожидающий, дабы он обратился и жил (ср. Иез. 18:23), не попустил столь великому страданию и многим трудам его остаться бесплодными. Взирая на его чистое и совершенное покаяние, Господь даровал ему прощение безмерно тяжких и великих прегрешений. И, желая вновь прославить сего мужа как преподобного отца и показать всем людям неодолимую силу покаяния, Он попустил, чтобы сильнейшая засуха и великое бездождье охватили всю ту страну.

Когда же после многих постов, молений и крестных ходов народ изнемог, открылся Господь благоговейному епископу того города — мужу святому и истинно богобоязненному. Сказано было ему в видении, что в некой гробнице пребывает муж, убогий обликом, но святой духом; и если он, уступив вашим мольбам, помолится Богу, то разрешит всякое зло, нависшее над страной.

Тогда святейший епископ со всего клира велел народу собраться, поведал им о видении и, творя торжественное моление, отправился к указанной пещере, дабы увидеть человека Божия. Когда же они достигли того места и нашли праведника, то со многими мольбами стали просить его сжалиться над их страной, помолиться Богу и упросить Его примириться с народом Своим, прогнать засуху и ниспослать земле дождь.

Святой же, вовсе ничего не отвечая им, лишь ударял себя в грудь и, не дерзая возвести взор к небу, взывал: «Будь милостив ко мне, Христе, прости безмерные нечестия мои!»

Поскольку же епископ, несмотря на продолжительные и усердные мольбы, не

удостоился от преподобного даже краткого ответа, люди с плачем удалились и, вернувшись в святую церковь, вновь со слезами просили Человеколюбца Бога об избавлении от бедствия. После того как они в течение многих дней в посте и рыданиях призывали Бога на помощь, Господь вновь открылся тому же епископу и ясным гласом молвил ему: «Ступай к слуге Моему Иакову, о котором Я уже возвестил тебе, и уговори его помолиться о том, чего просите. А когда он помолится, избавитесь вы от бедствия, нависшего над страной».

Поспешно вернувшись со всем клиром и народом к гробнице, блаженный святитель вновь принялся усердно молить человека Божия Иакова. Тогда, наконец, старец — нехотя, надо сказать, — будучи преклонен многими мольбами и приняв уверение от святого мужа, что и в первый раз, и ныне люди пришли к нему по Божественному откровению, возвел взор к небу и долгое время прилежно молился.

И когда молитва еще была в устах его, Благой и Милосердный Бог, Который обильно и с легкостью подает всё просимое боящимся Его, на деле исполнил реченное в Писании: «Еще ты будешь говорить, и Я скажу: вот Я!» (Ис. 58:9). Господь ниспослал на землю обильный дождь. Пораженные сим великим чудом, люди вознесли благодарственный гимн милосердному Величию Его и разошлись по домам, славя Бога и величая слуг Его, кои через подвиг подвижнический удостоились такой высокой чести и милости.

Получив столь великое благодеяние от Человеколюбца Господа и избавившись от богопосланной язвы, изгнанной молитвами слуги Божия Иакова, жители тех мест и донныне ежегодно совершают празднование в память о том дне, вознося хвалебные песни Владыке Христу. Многих же из народа, одержимых различными недугами, оставили у убогого Иакова ради исцеления, а святой, взяв елей и благословив его, помазывал больных во имя Христово (ср. Иак. 5:14) и совершенно их исцелял.

Ибо такая благодать была дана ему от Господа, что он одним лишь словом тотчас прогонял нечистых духов.

Спустя год после того, как по его молитвам была изгнана та тягчайшая язва засухи, слуга Божий Иаков призвал к себе преосвященного епископа, просил его позаботиться о пещере, вернее же сказать, о гробнице, ставшей его обителью, и умолял, чтобы после успения тело его было погребено в том самом месте.

Епископ дал обещание и вернулся в город. Спустя же несколько дней блаженный Иаков скончался в доброй старости (ср. Быт. 15:15), будучи семидесяти пяти лет от роду. Узнав о том, преосвященный епископ прибыл к пещере со всем причтом и ревностными мирянами. С великим почтением умастили они тело покойного драгоценными благовониями, а затем, воспев и восславив Бога, положили честные останки в той самой гробнице.

Впоследствии сей Божий святитель возвел над пещерой храм и перенес туда святые мощи преподобного; в месте том и по сей день совершаются многие исцеления. Весь же город и окрестности его ежегодно празднуют память святого, торжественно прославляя Человеколюбца Бога, столь возвеличившего Своего

угодника, ему же и мы по обычаю воздаем хвалу, благословляя Отца, и Сына, и Святого Духа, Которому подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта

[РУСКАТОЛИК.РФ](http://ruskatolik.rf)

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОРЛРВ

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**